

Иван Иванович Лажечников.

Как я знал М.Л.Магницкого

Книга: И.И.Лажечников.

"Басурман. Колдун на Сухаревой башне. Очерки-воспоминания"

Издательство "Советская Россия", Москва, 1989

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 1 ноября 2002 года

{1} - Так обозначены ссылки на примечания соответствующей страницы.

С каким удовольствием принимаешься за перо, когда хочешь изобразить личность, оставившую по себе светлый след на земле, какому бы роду служения отечеству или человечеству ни посвятила она себя. Потомство поминает его имя с благоговейною благодарностью; отец приводит сына поклониться его могиле и научиться на ней урокам чести и долга. Это имя звучит так гармонически, согревает сердце таким благодатным огнем. Напротив того, с каким тяжелым чувством приступаешь к изображению человека, который, будучи одарен лучшими дарами природы и воспитания и имея в руках своих средства разливать добро и свет на все его окружающее, употребил во зло эти дары для удовлетворения одних своих страстей.

Обстоятельства поставили меня в близкие отношения к М.Л.Магницкому, когда он стоял на вершине своего служебного поприща и во время его падения; я пользовался его горячим, порывистым благорасположением, слыл даже лет пять его любимцем и испытал столь же порывистое недоброжелательство, которого настоящую причину не мог никогда знать. Таков он был во всех своих действиях. То, что я буду рассказывать о нем на немногих страницах, сколько память не изменит мне, может служить дополнением к статье г. Феоктистова, помещенной в "Русском вестнике" 1864 года, и новыми материалами для истории просвещения России. Предупреждаю, что я по пути моего рассказа буду иногда разбрасывать заметки, хотя и отступающие зигзагами от главного предмета моего рассказа, но которые могут быть интересны, как обрисовывающие тогдашнюю эпоху, или поучительны для нынешних современников. Неминуемо придется мне часто говорить о себе.

Оставив в 1820 году военную службу, я стал, следуя своим наклонностям, искать места по учебному ведомству. Бывший мой начальник, граф Остерман-Толстой, перед отъездом своим в чужие края, письменно просил тогдашнего попечителя Харьковского учебного округа, Карнеева, доставить мне место директора училищ в этом округе. Между тем, в ожидании ответа, который несколько замедлился, дали мне знать, что в Казанском округе открылась вакансия директора пензенских училищ, и советовали мне прямо обратиться к попечителю округа М.Л.Магницкому. Этот совет был приправлен разными жаркими похвалами лицу, к которому я должен был адресоваться.

Магницкий был тогда лицо сильное, пользовавшееся неограниченною доверенностью министра духовных дел и народного просвещения, князя А.Н.Голицына{476}, отогревшего его у сердца своего от невзгод, его поразивших, в одну и ту же грозу, павшую на голову Сперанского. Я слышал о Магницком, как о человеке острого, высокого ума, с необыкновенно увлекательным даром слова, изустным и письменным, с блестящим научным образованием (он получил воспитание в благородном пансионе при Московском университете, где имя его красовалось золотыми буквами). Чарующая известность дружеского расположения к нему Сперанского придавала еще больше блеска его имени.

Вооруженный аттестатом моего бывшего начальника, копией с письма его к попечителю Харьковского учебного округа и официальным письмом статс-секретаря Н.М.Лонгинова{476}*, при котором прислан мне был Высочайший подарок за посвящение имени государыни Елисаветы Алексеевны моих "Походных записок", я явился к Магницкому. Он, по-видимому, жил очень скромно; единственный слуга его тотчас доложил обо мне, и я тотчас был принят в кабинете. Предо мною предстал человек высокого роста, с привлекательною наружностью, с голубыми, умными глазами, с приветливою речью. Он выслушал мою просьбу, быстро рассмотрел мои бумаги, сделал мне несколько вопросов о моих религиозных убеждениях (я был заранее предупрежден, что мне предстоит